

Короленко Владимир Галактионович

Парадокс

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Галактионович К.**
Парадокс / Короленко Владимир Галактионович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
36 с.

ISBN 978-5-519-90435-3

ISBN 978-5-519-90435-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

остатки красокъ какого-то герба,—и единственная рука, закованная въ стальные нарамники и державшая мечъ, высобывалась непонятнымъ образомъ изъ тусклаго пятна, въ которомъ чуть рисовалось подобіе короны. Остальное все распалось, растрескалось, облупилось и облѣзло въ такой степени, что уже не ставило воображенію никакихъ прочныхъ преградъ; вѣроятно, поэтому старый скелетъ легко принималъ въ нашихъ глазахъ всѣ формы, всю роскошь и все великолѣпіе настоящей золотой кареты.

Когда намъ пріѣдались впечатлѣнія реальной жизни на большихъ дворахъ и въ переулкѣ,—то мы съ братомъ удалялись въ этотъ уединенный уголокъ, садились въ кузовъ,—и тогда начинались здѣсь чудеснѣйшія приключенія, какія только могутъ постигнуть людей, безразсудно пускающихся въ невѣдомый путь, далекій и опасный, въ такой чудесной и такой фантастической каретѣ. Мой братъ, по большей части, предпочиталъ болѣе дѣятельную роль кучера. Онъ бралъ въ руки кнутъ изъ ременнаго обрѣзка, найденнаго въ мусорной кучѣ,—затѣмъ серьезно и молча вынималъ изъ кузова два деревянныхъ пистолета, перекидывалъ черезъ плечо деревянное ружье и втыкалъ за поясъ огромную саблю, изготовленную моими руками изъ кровельнаго тесу. Видъ его, вооруженнаго такимъ образомъ съ головы до ногъ, настраивалъ тотчасъ же и меня на соотвѣтствующій ладъ, и затѣмъ, усѣвшись каждый на свое мѣсто, мы отдавались теченію нашей судьбы, не обмѣниваясь ни словомъ. Это не мѣшало намъ съ той же минуты испытывать общія опасности, приключенія и побѣды. Очень можетъ быть, конечно, что событія не всегда совпадали съ точки зрѣнія кузова и козелъ, и я предавался упоенію побѣды въ то самое время, какъ кучеръ чувствовалъ себя

на краю гибели... Но это ничему въ сущности не мѣшало. Развѣ изрѣдка я принимался неистово палить изъ оконъ, когда кучеръ внезапно натягивалъ вожжи, привязанныя къ обломку дышла, — и тогда братъ говорилъ съ досадой:

— Что ты это, ей Богу!.. Вѣдь это гостиница...

Тогда я приостанавливалъ пальбу, выходилъ изъ кузова и извинялся передъ гостепріимнымъ трактирщикомъ въ причиненномъ безпокойствѣ, между тѣмъ, какъ кучеръ распрягалъ лошадей, поилъ ихъ у бадьи, и мы предавались мирному, хотя и короткому отдыху въ одинокой гостиницѣ. Однако, случаи подобныхъ разногласій бывали тѣмъ рѣже, что я скоро отдавался полету чистой фантазіи, не требовавшей отъ меня внѣшнихъ проявленій. Должно быть, въ щеляхъ стараго кузова засѣли съ незапамятныхъ временъ, — выражаясь по нынѣшнему, — какія-то флюиды старинныхъ происшествій, которыя и захватывали насъ сразу въ такой степени, что мы могли, молча, почти не двигаясь и сохраняя созерцательный видъ, просидѣть на своихъ мѣстахъ отъ утренняго чаю до самаго обѣда. И въ этотъ промежутокъ отъ завтрака и до обѣда вмѣщались для насъ цѣлыя недѣли путешествій, съ остановками въ одинокихъ гостиницахъ, съ ночлегами въ полѣ, съ длинными просѣлками въ черномъ лѣсу, съ дальними огоньками, съ угасающимъ закатомъ, съ ночными грозами въ горахъ, съ утренней зарей въ открытой степи, съ нападеніями свирѣпыхъ бандитовъ и, наконецъ, съ туманными женскими фигурами, еще ни разу не открывавшими лица изъ-подъ густого покрывала, — которыхъ мы, съ неопредѣленнымъ замираніемъ души, спасали изъ рукъ мучителей на радость или на горе въ будущемъ...

И все это вмѣщалось въ тихомъ уголкѣ, между садомъ и сараями, гдѣ, кромѣ бадьи, кузова и му-

сорной кучи—не было ничего... Впрочемъ, были еще лучи солнца, пригрѣвавшіе зелень сада и расплѣчивавшіе палисадникъ яркими, золотистыми пятнами; были еще двѣ доски около бадьи и широкая лужа подъ ними. Затѣмъ чуткая тишина, невнятный шопотъ листьевъ, сонное чириканіе какой-то птицы въ кустахъ и... странныя фантазіи, которыя, вѣроятно, росли здѣсь сами по себѣ, какъ грибы въ тѣнистомъ мѣстѣ,—потому что нигдѣ больше мы не находили ихъ съ такой легкостью, въ такой полнотѣ и изобиліи... Когда, черезъ узкій переулочъ и черезъ крыши сараевъ, долеталъ до насъ досадный призывъ къ обѣду или къ вечернему чаю,—мы оставляли здѣсь, вмѣстѣ съ пистолетами и саблями, наше фантастическое настроеніе, точно скинутое съ плечъ верхнее платье, въ которое наряжались опять тотчасъ по возвращеніи.

Однако, съ тѣхъ поръ, какъ брату пришла оригинальная мысль вырѣзать кривыя и узловатыя вѣтки тополя, навязать на нихъ бѣлыя нитки, навѣсить мѣдныя крючки и попробовать запустить удочки въ таинственную глубину огромной бадьи, стоявшей въ углу двора, для насъ на цѣлую недѣлю померкли всѣ прелести золотой кареты. Во-первыхъ, мы сѣли оба, въ самыхъ удивительныхъ позахъ, на верхней перекладинѣ палисадника, который угломъ охватывалъ бадью и у котораго мы предварительно обломали верхушки балясинъ. Во-вторыхъ, надъ нами качался серебристо-зеленый шатеръ тополя, переполнявшій окружающій воздухъ зеленоватыми тѣнями и бродячими солнечными пятнами. Въ-третьихъ, отъ бадьи отдѣлялся какой-то особенный запахъ, свойственный загнившей водѣ, въ которой уже завелась своя особенная жизнь, въ видѣ множества какихъ-то странныхъ существъ, вродѣ головастика, только гораздо меньше... Какъ ни покажется это

странно,—но запахъ этотъ казался намъ, въ сущности, пріятнымъ и прибавлялъ, съ своей стороны, нѣчто къ прелестямъ этого угла надъ бадьей... Въ то время, какъ мы сидѣли по цѣлымъ часамъ на заборѣ, вглядываясь въ зеленоватую воду, изъ глубины бадьи то и дѣло подымались стайками эти странныя существа, напоминавшія собой гибкія мѣдныя булавки, головки которыхъ такъ тихо шевелили поверхность воды, между тѣмъ, какъ хвостики извивались подъ ними, точно крошечныя змѣйки. Это былъ цѣлый особый мірокъ, подъ этою зеленою тѣнью, и, если сказать правду, въ насъ не было полной увѣренности въ томъ, что въ одинъ прекрасный мигъ поплавокъ нашей удочки не вздрогнетъ, не поидетъ ко дну, и что послѣ этого который-нибудь изъ насъ не вытащитъ на крючкѣ серебристую, трепещущую живую рыбку. Разумѣется, разсуждая трезво, мы не могли бы не придти къ заключенію, что событіе это выходитъ за предѣлы возможнаго. Но мы вовсе не разсуждали трезво въ тѣ минуты, а просто сидѣли на заборѣ, надъ бадьей, подъ колыхавшимся и шептавшимъ зеленымъ шатромъ, въ сосѣдствѣ съ чудесной каретой, среди зеленоватыхъ тѣней, въ атмосферѣ полу-сна и полу-сказки...

Вдобавокъ, мы не имѣли тогда ни малѣйшаго понятія о назначеніи жизни...

II.

Однажды, когда мы сидѣли такимъ образомъ, погруженные въ созерцаніе неподвижныхъ поплавковъ, съ глазами, прикованными къ зеленой глубинѣ бадьи, — изъ дѣйствительнаго міра, т. е. со стороны нашего дома проникъ въ нашъ фантастическій уголокъ непріятный и рѣзкій голосъ лакея

Павла. Онъ, очевидно, приближался къ намъ и кричалъ:

— Панычи, панычи, э-эй! Идить бѣ до покою!

„Идти до покою“, — значило идти въ комнаты, что насъ на этотъ разъ нѣсколько озадачило. Во-первыхъ, почему это просто „до покою“, а не къ обѣду, который въ этотъ день, дѣйствительно, долженъ былъ происходить ранѣе обыкновеннаго, такъ какъ отецъ не уѣзжалъ на службу. Во-вторыхъ, почему зоветъ именно Павелъ, котораго посылалъ только отецъ въ экстренныхъ случаяхъ, — тогда какъ обыкновенно отъ имени матери звала насъ служанка Килимка. Въ-третьихъ, все это было намъ очень непріятно, какъ будто именно этотъ несвоевременный призывъ долженъ вспугнуть волшебную рыбу, которая какъ разъ въ эту минуту, казалось, уже плыветъ въ невидимой глубинѣ къ нашимъ удочкамъ. Наконецъ, Павелъ и вообще былъ человѣкъ слишкомъ трезвый, отчасти даже насмѣшливый, и его излишне серьезные замѣчанія разрушили не одну нашу иллюзію.

Черезъ полъ-минуты этотъ Павелъ стоялъ, нѣсколько даже удивленный, на нашемъ дворикѣ, и смотрѣлъ на насъ, сильно сконфуженныхъ, своими серьезно-выпученными и слегка глуповатыми глазами. Мы оставались въ прежнихъ позахъ, но это только потому, что намъ было слишкомъ совѣстно, да и некогда уже скрывать отъ него свой образъ дѣйствій. Въ сущности-же, съ первой минуты появленія этой фигуры въ нашемъ мірѣ, — мы оба почувствовали съ особенной ясностью, что наше занятіе кажется Павлу очень глупымъ, что рыбу въ бадьяхъ никто не ловитъ, что въ рукахъ у насъ даже и не удочки, а простая вѣтка тополя, съ мѣдной булавкой, и что передъ нами только старая бадья съ загнившей водой.

— Э?—протянуль Павелъ, приходя въ себя отъ первоначальнаго удивленія.—А що се вы робите?

— Такъ...—отвѣтилъ братъ угрюмо.

Павелъ взялъ изъ моихъ рукъ удочку, осмотрѣлъ ее и сказалъ:

— Развѣ-жъ это удилище? Удилища надо дѣлать изъ орѣшника.

Потомъ пощупалъ нитку и сообщилъ, что нуженъ тутъ конскій волосъ, да его еще нужно заплести умѣючи; потомъ обратилъ вниманіе на булавочные крючки и объяснилъ, что надъ такимъ крючкомъ, безъ зазубрины, даже и въ пруду рыба только смѣется. Стащить червяка и уйдетъ. Наконецъ, подойдя къ бадью, онъ тряхнулъ ее слегка своей сильной рукой. Неизмѣримая глубина нашего зеленого омута колыхнулась, помутнѣла, фантастическія существа жалобно заметались и исчезли, какъ бы сознавая, что ихъ міръ колеблется въ самыхъ устояхъ. Обнажилась часть дна,—простыя доски, облипшія какой-то зеленой мутью,—а снизу поднялись пузыри и сильный запахъ, который на этотъ разъ и намъ показался уже не особенно пріятнымъ.

— Воняетъ,—сказалъ Павелъ презрительно. — Отъ, идите до покою, панъ кличе.

— Зачѣмъ?

— Идите, то и побачите.

Я и до сихъ поръ очень ясно помню эту минуту столкновенія нашихъ иллюзій съ трезвою дѣйствительностью въ лицѣ Павла. Мы чувствовали себя совершенными дураками, и намъ было совѣстно оставаться на верхушкѣ забора, въ позахъ рыбаковъ, но совѣстно также и слѣзать подъ серьезнымъ взглядомъ Павла. Однако, дѣлать было нечего. Мы спустились съ забора, бросивъ удочки какъ попало, и тихо побрели къ дому. Павелъ еще

разъ посмотрѣлъ удочки, пощупалъ пальцами размокшія нитки, повелъ носомъ около бадьи, въ которой вода все еще продолжала бродить и пускать пузыри и, въ довершеніе всего, толкнулъ ногой старый кузовъ. Кузовъ какъ-то жалко и безпомощно крикнулъ, шевельнулся, и еще одна доска вывалилась изъ него въ мусорную кучу...

Таковы были обстоятельства, предшествовавшія той минутѣ, когда нашему юному вниманію предложенъ былъ афоризмъ о назначеніи жизни и о томъ, для чего, въ сущности, созданъ человѣкъ...

III.

У крыльца нашей квартиры, на мощеномъ дворѣ, толпилась куча народа. На нашемъ дворѣ было цѣлыхъ три дома: одинъ большой и два флигеля. Въ каждомъ жила особая семья, съ соотвѣтствующимъ количествомъ дворни и прислуги, не считая еще одинокихъ жильцовъ, вродѣ стараго холостяка пана Уляницакаго, нанимавшаго двѣ комнаты въ подвальномъ этажѣ большого дома. Теперь почти все это населеніе высыпало на дворъ и стояло на солнцѣ, у нашего крыльца. Мы испуганно переглянулись съ братомъ, разыскивая въ своемъ прошломъ какой-нибудь проступокъ, который подлежалъ-бы такому громкому и публичному разбирательству. Однако, отецъ, сидѣвшій на верхнихъ ступенькахъ, среди привилегированной публики, повидимому, находился въ самомъ благодушномъ настроеніи. Рядомъ съ отцомъ вилась струйка синяго дыма, что означало, что тутъ-же находится полковникъ Дударевъ, военный докторъ. Немолодой, расположенный къ полнотѣ, очень молчаливый,—онъ пользовался во дворѣ репутаціей человѣка необыкновенно ученаго, а его молчаливость

и безкорыстіе снискали ему общее уваженіе, къ которому примѣшивалась доля страха, какъ къ явленію, для средняго обывателя не вполне понятному... Иногда, среди другихъ фантазій, мы любили воображать себя докторомъ Дударевымъ, и если я замѣчалъ, что братъ сидитъ на крыльцѣ или на скамейкѣ, съ вишневой палочкой въ зубахъ, медленно раздуваетъ щеки и тихо выпускаетъ воображаемый дымъ, — я зналъ, что его не слѣдуетъ тревожить. Кромѣ вишневой палочки, требовалось еще особеннымъ образомъ наморщить лобъ, отчего глаза сами собой немного тускнѣли, становились задумчивы и какъ будто печальны. А затѣмъ уже можно было сидѣть на солнцѣ, затаиваться воображаемымъ дымомъ изъ вишневой вѣтки и думать что-то такое особенное, что, вѣроятно, думалъ про себя добрый и умный докторъ, молча подававшій помощь больнымъ и молча сидѣвшій съ трубкой въ свободное время. Какія это собственно были мысли, сказать трудно; прежде всего онѣ были важны и печальны, а затѣмъ, вѣроятно, все таки довольно пріятны, судя по тому, что имъ можно было предаваться по долгу...

Кромѣ отца и доктора, среди другихъ лицъ, — мнѣ бросилось въ глаза красивое и выразительное лицо моей матери. Она стояла въ бѣломъ передникѣ, съ навернутыми рукавами, очевидно, только что оторванная отъ вѣчныхъ заботъ по хозяйству. Насъ у нея было шестеро, и на ея лицѣ ясно виднѣлось сомнѣніе: стоило ли выходить сюда въ самый разгаръ хлопотливаго дня. Однако, скептическая улыбка видимо сплывала съ ея красиваго лица, и въ синихъ глазахъ уже мелькало какое-то испуганное сожалѣніе, обращенное къ предмету, стоявшему среди толпы, у крыльца...

Это была небольшая, почти игрушечная телѣга, въ которой какъ-то странно, — странно почти до

болѣзненнаго ощущенія отъ этого зрѣлища, — по-мѣщался человѣкъ. Голова его была большая, лицо блѣдно, съ подвижными, острыми чертами и большими, пронизательными, бѣгающими глазами. Туловище было совсѣмъ маленькое, плечи узкія, груди и живота не было видно изъ-подъ широкой, съ сильной просѣдью бороды, а руки я напрасно разыскивалъ испуганными глазами, которые, вѣроятно, были открыты такъ же широко, какъ и у моего брата. Ноги страннаго существа, длинныя и тонкія, какъ будто не умѣщались въ телѣжкѣ, и стояли на землѣ, точно длинныя лапки паука. Казалось, онѣ принадлежали одинаково этому человеку, какъ и телѣжкѣ, и все вмѣстѣ какимъ-то безпокойнымъ, раздражающимъ пятномъ рисовалось подъ яркимъ солнцемъ, точно въ самомъ дѣлѣ какое-то паукообразное чудовище, готовое внезапно кинуться на окружившую его толпу.

— Идите, идите, молодые люди, скорѣе... Вы имѣете случай увидѣть интересную игру природы, — фальшиво-ласкающимъ голосомъ сказалъ намъ панъ Уляницкій, проталкиваясь за нами черезъ толпу.

Панъ Уляницкій былъ старый холостякъ, появившійся въ нашемъ дворѣ Богъ вѣсть откуда. Каждое утро, въ извѣстный часъ и даже въ извѣстную минуту, его окно открывалось, и изъ него появлялась сначала красная ермолка съ кисточкой, потомъ вся фигура въ халатѣ... Кинувъ безпокойный взглядъ на сосѣднія окна (нѣтъ ли гдѣ барышень), — онъ быстро выходилъ изъ окна, прикрывая что-то полой халата и исчезалъ за угломъ. Въ это время мы стремглавъ кидались къ окну, чтобы заглянуть въ его таинственную квартирку. Но это почти никогда не удавалось, такъ какъ Уляницкій быстро, какъ-то крадучись, появлялся изъ за угла; мы кидались вразсыпную, а онъ швырялъ въ насъ камнемъ, палкой, что попадало подъ руку. Въ пол-

день онъ появлялся одѣтымъ съ иголки и очень любезно, какъ ни въ чемъ не бывало, заговаривалъ съ нами, стараясь навести разговоръ на жившихъ во дворѣ невѣсть. Въ это время въ голосъ его звучала фальшивая ласковость, которая всегда какъ-то рѣзала намъ уши...

— Уважаемые господа, обыватели и добрые люди!—заговорилъ вдругъ какимъ-то носовымъ голосомъ высокій субъектъ, съ длинными усами и безпокойными впалыми глазами, стоявшій рядомъ съ телѣжкой.—Такъ какъ, повидимому, съ прибытіемъ этихъ двухъ молодыхъ людей, дай имъ Богъ здоровья на радость почтеннымъ родителямъ... всѣ теперь въ сборѣ, то я могу объяснить уважаемой публикѣ, что передъ нею находится феноменъ, или, другими словами, чудо натуры, шляхтичъ изъ Заславскаго повѣта Янъ Криштофъ Залускій. Какъ видите, у него совершенно нѣтъ рукъ и не было отъ рожденія.

Онъ скинулъ съ феномена курточку, въ которую легко было бы одѣть ребенка, потомъ разстегнулъ воротъ рубахи. Я зажмурился,—такъ рѣзко и болѣзненно ударило мнѣ въ глаза обнаженное уродство этихъ узкихъ плечъ, совершенно лишенныхъ даже признаковъ рукъ.

— Видѣли?—повернулся долгоусый къ толпѣ, отступая отъ телѣжки, съ курткой въ рукахъ.

— Безъ обману...—добавилъ онъ,—безъ всякаго ошуканства... И его безпокойные глаза обѣжали публику съ такимъ видомъ, какъ будто онъ не особенно привыкъ къ довѣрію со стороны своихъ ближнихъ.

— И однако, уважаемые господа, сказанный феноменъ, родственникъ мой. Янъ Залускій—человѣкъ очень просвѣщенный. Голова у него лучше, чѣмъ у многихъ людей съ руками. Кромѣ того, онъ можетъ исполнять все, что обыкновенные люди